Евразия и евразийство в XXI веке: безопасность, идентичность и культура альянсов[1]

Курылев К.П., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, kurylev-kp@rudn.ru
Базавлук С.В., проректор по работе со студентами, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН, bazavluk-sv@rudn.ru
Савин Л.В., генеральный директор Фонда мониторинга и прогнозирования развития культурно-территориальных пространств, editor@geopolitica.ru
Юртаев В.И., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, yurtaev-vi@rudn.ru

Ключевые слова: евразийство, ЕАЭС, безопасность, идентичность, альянс, идеология, ШОС.

Eurasia and eurasianism in the XXI century: security, identity and alliances culture

Konstantin Kurylev, Doctor, professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University.
Sergey Bazavluk, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University.
Leonid Savin, Director of the Foundation of monitoring and forecasting of the development of cultural-territorial spaces.
Vladimir Yurtaev, Doctor, professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University.

Key words: Eurasianism, EAEU, security, identity, alliance, ideology, SCO

The creation of the Eurasian Economic Union (EAEU) has a longer history than the Customs Union and Eurasian Economic Community, as well as the potential that exceeds the geographical boundaries of the association. The EAEU is indirectly connected with the history of Eurasianism, and after the joint summit of the SCO and BRICS in Ufa in 2015 has additional vectors - interacting with the Chinese "Belt and Road" initiative and the activities of the SCO, which covers the countries of Central and South Asia. This points to three interrelated factors - the role of alliances, their identity and the security regime in the broad sense of the term. In this publication, the authors attempt to analyze these factors for the EAEU and, more broadly, the SCO as a similar structure operating in Eurasia. A descriptive methodology and an interdisciplinary approach used. Authors also attempted to apply an geopolitical foresight with the example of several scenarios.

Создание Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) имеет более длительную историю, чем Таможенный Союз и ЕвраАзЭС, а также потенциал, превосходящий географические границы объединения. ЕАЭС косвенно связан с историей евразийства, а после проведения совместного саммита ШОС и БРИКС в Уфе в 2015 г. имеет дополнительные векторы — сопряжение с китайской инициативой «Пояс и Путь» и деятельностью ШОС, которая охватывает страны Центральной и Южной Азии. Это указывает на три взаимосвязанных фактора — роль альянсов, их идентичность и режим безопасности в широком смысле этого термина. В данной публикации авторы предпринимают попытку анализа указанных факторов для ЕАЭС и, шире, ШОС в качестве схожей структуры, действующей на территории Евразии. Использована дескриптивная (описательная) методика, междисциплинарный подход, а также осуществлена попытка геополитического форсайта (прогноза) на примере нескольких сценариев.

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00165).

Процесс интеграции в рамках Евразийского Экономического Союза помимо вопросов торгового регулирования, адаптации национальных законодательств и создания благоприятных условий для развития и роста экономики в странах-участницах неизбежно затрагивает темы идеологии и безопасности. Сам проект ЕАЭС подразумевает надгосударственную идентичность, которая нуждается в идеологическом осмыслении и наполнении. Поскольку после распада СССР все его бывшие республики в той или иной мере начали заниматься выработкой национальной идеологии и проведением политики идентичности, для надгосударственной надстройки, как минимум, нужна реконцептуализация национальных проектов и их включение в более широкую повестку. При более детальном и планомерном подходе необходимо конструирование комплексной адаптивной архитектуры, сопрягающей этно-национальные факторы, региональную безопасность, геоэкономические вызовы и инклюзивные политические методики. В техническом отношении можно говорить о наличии нескольких референтных слоев интеграции и возможности задействования разных режимов скоростей (согласно одному из принципов интеграционной стратегии ЕС в отношении новых членов).

Рамки исследования неизбежно указывают на географический контекст и геополитическую динамику региональных процессов. Если с позиции классической геополитики ЕАЭС олицетворяет Хартленд Евразии, который подразумевает следование стратегии сухопутного могущества и, соответственно, сталкивается с вызовом морского могущества, то через призму критической геополитики бинарная оппозиция уходит на второй план, а инструменты власти представляются трансграничными.

В отличии от классической критическая геополитика уделяет большее внимание нижним уровням власти, нежели макроуровню или глобальным экономическим процессам. Критическая геополитика делает акцент не столько на источники и структуры власти, сколько на повседневные практики реализации властных отношений и обеспечивающих их ментальные модели.

Наряду с политической географией, критическая геополитика утверждает, что пространственность не ограничивается территориальностью. Государственная власть не держится только на территории государства.[2]

Такая постановка вопроса позволяет более гибко подходить к проектированию межгосударственных и надгосударственных проектов, тем не менее, нисколько не умаляя значение национальных суверенитетов. На постсоветском пространстве есть два взаимосвязанных функционирующих проекта ЕАЭС и ОДКБ — первый имеет упор на экономическое развитие, а второй связан с вопросами региональной безопасности.

Однако при более детальном рассмотрении развитие интеграционного проекта, даже если он имеет исключительно экономическую направленность, не может происходить в отрыве от вопросов безопасности.

Как указывает профессор А.Д. Урсул "безопасность в самой общей форме оказывается способом сохранения того или иного объекта в условиях разного рода внутренних и внешних негативных воздействий... Смысл обеспечения безопасности объекта заключается в том, чтобы сохранить объект в том или ином виде, чтобы он дальше мог существовать и развиваться..."[3]

Ранее безопасность выделяли по ограниченным критериям. Делали акценты на политическое, социальное или идеологическое измерения. Определенная мода была и на безопасность, связанную с техногенными катастрофами и окружающей средой. Лишь позже стало понятным, что наряду с экологической безопасностью важно включить и другие

---

2 Маруев А.Ю., Медведев Д.А., Гулина Е.В. Теоретические аспекты проектирования геополитического пространства в арктическом регионе // Стратегическая стабильность № 2 (83), 2018. С. 9.

3 Урсул А.Д. Безопасность в контексте глобальной устойчивости // Информационные войны № 2 (46) 2018. С.64 - 65.

характеристики реального процесса развития, т.е. экономическое его измерение, политическое, правовое, демографическое, информационное и т.д.[4]

Для ЕАЭС эти положения также адекватны. При этом возникают споры — что должно быть приоритетнее - экономические аспекты интеграции или политическая структура? Номинально должна преобладать экономика, исходя из названия объединения. Однако, экономика, это инструмент ведения хозяйства общества. В государстве политика первичнее экономики, поскольку от этого зависит само существование государства. Хотя определенные экономические критерии могут быть заложены в целеполагание государства и отражать этический код народа. С позиции России экономический аспект всегда будет второстепенным элементом.

Отмечалось, что «стратегической целью России должна стать экономическая и военно-политическая интеграция постсоветского пространства».[5] При этом у ЕАЭС для этого своя особая функция. «Евразийская интеграция оставляет России возможность вернуться к "сверхдержавному статусу", который будет принадлежать ей не единолично, а как одному из элементов (хотя и наиболее крупному) в конструкции Евразийского пространства».[6]

Поскольку ЕАЭС является открытым проектом, вполне закономерным будет вопрос об интересах потенциальных новых членов.

По мнению профессора А.И. Смирнова интерес вступления в членство ЕАЭС будет связан с геополитической целесообразностью, а только на втором плане будет экономическая составляющая.[7]

Опыт создания ЕС и включения новых членов из числа стран Восточной Европы подтверждает именно геополитический, а не экономический характер интеграции внутри этого объединения. Нежелание некоторых стран отказаться от использования национальной валюты и перейти на Евро показывает политические приоритеты. Также нужно отметить нейтралитет некоторых членов ЕС в отношении участия в НАТО и, наоборот, активность некоторых членов внутри Североатлантического альянса, создание Вышеградской группы на базе восточноевропейских стран, что стало возможным только после вхождение в ЕС и НАТО. Ситуация с Brexit также является отражением геополитических противоречий внутри ЕС, а не экономической нестабильностью.

При этом вопрос создания новой геополитический конструкции с соответствующими компонентами безопасности, даже если роль всех участников будет согласована в техническом порядке, неизбежно затрагивает тему идеологии.

В идеологии, если она связана с проекцией власти, есть несколько измерений.

Как указывал Франклин Анкерсмит, «идеология всегда метафорична. Идеология определяет точку зрения, с которой нам предлагается смотреть на политическую и социальную реальность».[8] По его мнению, "если метафора задает определенную политическую точку зрения, с которой осмысливается политическая реальность, эта точка зрения может проецироваться именно на государство. Государство позволяет нам переводить идеологическую, метафорическую мысль в конкретное политическое действие. Без государства идеология беспомощна, а без идеологии у государства не может быть программы политического действия».[9] Следовательно, должна быть некая связка, где философские, культурные и религиозные аспекты должны подпитывать политические решения.

Анкерсмит также считает, что «неидеологическое государство - глупое и неэффективное государство, соответственно будет уменьшаться и его способность

---

4 Там же. С. 66.

5 Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов. Под ред. А.И. Смирнова. М.: Общество "Знание" России, 2011. С. 159.

6 Там же. С. 164.

7 Там же. С. 167.

8 Франклин Анкерсмит. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. С. 411.

9 Там же. С. 411-412.

учиться».[10] Это автоматически означает проигрышную позицию как внутри каких-либо альянсов, так и снижение возможности отвечать на внешние вызовы, поскольку идеология также напрямую связана с внешнеполитическими векторами государства, будь то соседние или дальние страны, партнеры или оппоненты.

Не зависимо от школы международных отношений существует мнение, что «идеологии, или основные принципы внутренней политической легитимности влияют на лидеров в выборе внешней политике через эффект по их восприятию угроз, которые другие бросают их основным национальным и международным интересам. Большие идеологические различия разделяют лиц, принимающих решения в различных государствах, которые смотрят друг на друга как на существенную угрозу их власти и безопасности страны».[11]

Среди таких внешних вызовов «расширение НАТО и его приближение к границам нашей страны стало одной из ключевых геополитических проблем современности».[12] А в 2014 г. накопившиеся в диалоге между Россией и западными странами противоречия достигли критической точки и вызвали беспрецедентное обострение взаимоотношений.[13]

Поскольку на пространстве бывшего СССР сложился так называемый «геополитический плюрализм», то рассчитывать на развитие глубокой интеграции очень сложно. Пояс добрососедства, который являлся одним из приоритетов внешнеполитической деятельности России, был надломлен, а Запад успешно сформировал часть антироссийской буферной зоны.[14]

Это создает риски для дальнейших интеграционных процессов вообще и для роли России на евразийском пространстве в частности. В условиях давления Запада необходимо более детально обосновывать те или иные решения, а также альтернативные сценарии для партнеров по ЕАЭС и другим альянсам.

Более гибкий механизм для реагирования и планирования может быть достигнут при синхронизации ключевых элементов стратегических культур и национальных интересов стран ЕАЭС (и, шире, ШОС). Во-первых, поскольку основные тенденции в международных отношениях связаны со школой политического реализма в ее различных вариациях, роль стратегической культуры и интересов государств будет оставаться довольно высокой. Во-вторых, взаимосвязь стратегической культуры и национальных интересов непосредственно представляет идеологему, отталкиваясь от которой можно формировать политическую повестку. В-третьих, восприятие национальных интересов партнеров по альянсу в качестве собственных лучше всего достичь при наличии общих ценностных мотивов в культурной и политической традиции.

Отечественные военные эксперты неоднократно отмечали необходимость наличия подобного механизма системного характера, пусть даже охарактеризованного не как идеология, а выраженной в иных терминах. Нередко такой подменяется таким понятием как стратегия развития. "Воля к ведению войны является, по сути, при перспективном рассмотрении, волей управлять после войны. Поэтому цель армии каждой из противоборствующих сторон – выработать и выбрать стратегию победы своей стороны. Победившая стратегия, таким образом, на какое-то время становится стратегией всего глобального сообщества".[15]

С учетом протекающего противоборства и конфликтного потенциала меры по сдерживанию соперников также должны учитывать детальный анализ стратегической культуры, так как «смысл сдерживания - которое является типичным стратегическим

---

10 Там же. С. 413.

11 Mark L. Haas, The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789-1989. Ithaca: Cornell University Press, 2005. P. 1.

12 К.П. Курылев. Украинский кризис и международная безопасность. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 171.

13 Там же. С. 173.

14 Там же. С. 198.

15 Юрий Матвиенко, Военный аспект Четвёртой политической теории // Геополитика.ру, 06.08.2012 https://www.geopolitica.ru/article/voennyy-aspekt-chetvyortoy-politicheskoy-teorii

понятием - состоит в том, чтобы оказать влияние на выбор, делаемый другой стороной, что достигается путем оказания влияния на ее ожидания относительно того, как мы будем себя вести».[16]

Поскольку стратегическая культура напрямую отражает коллективную идентичность, эта концепция также нуждается в прояснении.

Идентификация представляет собой сложный феномен, который включает в себя самопонимание, общность и связанность. Роджерс Брубейкер отмечает, что существуют реляционные и категориальные формы идентефикации.[17] Первая предполагает наличие некой сети связей, а вторая указывает на принадлежность к классу или группе, которые имеют некий общий атрибут, например, национальность, раса, язык и пр. При этом государство является мощным «идентификатором», поскольку «располагает материалом и симфолическими ресурсами, позволяющими насаждать категории, классификационные схемы и способы социального подсчета и отчетности».[18]

Оптимальным видится сочетание двух форм, когда кластеры с четкой принадлежностью встраиваются в глубокие и неразрывные отношения. Такой идеальный тип для государства несколько сложнее реализовать в системе ассоциаций, союзов и альянсов. Единого рецепта не существует. Если на Западе делают упор на трансатлантические ценности и традиции, в мусульманских странах апеллируют к религиозной идентичности (например, Организация Исламского Сотрудничества), а в странах АСЕАН акцентируют поликультурный диалог и необходимость региональной кооперации.

На данный момент в рамках ЕАЭС основной упор делался на общее историческое прошлое и географическую близость. Также в рамках ЕАЭС одним из стержневых, хотя не акцентируемых элементов, является курс на установление многополярного мира. Данное положение также закреплено во внешнеполитической стратегии Российской Федерации.

Как отмечала А.Я. Щербакова "Российская Федерация является наиболее активным после США государством в вопросах формирования нового мирового порядка, так как отвечает следующим принципам: является членом Совета Безопасности ООН, повышает политический и военный престиж, используя приобретенный за последнее время дипломатический опыт в разрешении конфликта в Сирии, отстаивает собственный суверенитет, укрепляет национальную безопасность, активно борется с терроризмом на глобальном уровне".[19]

Указывалось, что “наша страна обладает всем необходимым, чтобы в новом многополярном мире занять лидирующие позиции как в экономической, так и в культурной сфере».[20]

Однако в стратегических документах тема многополярности носила, в основном, декларативный характер. Четкого определения многополярности и, что важно, видения России о том как нужно создавать многополярную архитектуру, за исключением критики однополярности США и заявлений о необходимости участвовать в различных объединениях, нет.

Если рассматривать евразийскую интеграцию, также отмечалось, что "реализация комплекса мер по укреплению каркаса ЕАЭС и его упрочению на нынешнем интеграционном треке требует разработки идеологии евразийской интеграции".[21] Это свидетельствует о вакууме идей в текущем политическом процессе.

---

16 Томас Шеллинг. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, Социум, 2016. С. 26.

17 Роджерс Брубейкер. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. С. 90

18 Там же. С. 92.

19 Щербакова А.Я. Место России на геополитической карте современного мира // Информационные войны № 1 (45) 2018. С. 24.

20 С. Байков. Россия и новый миропорядок XXI века // Постсоветский материк № 1 (13), 2017. С. 11.

21 Ткачук С.П., Митяев Д.А. "Мягкая сила" науки и образования в развитии евразийской экономической интеграции // Экономические стратегии № 2 (152), 2018. С. 182.

При этом очевидно, что процесс евразийской интеграции поднимается на новый уровень и со временем приведет к формированию нового геополитического центра мировой политики.[22]

А целевая идеология, направленная на развитие ЕАЭС, потенциально может представлять одну из версий стратегии многополярности.

Серьезный вопрос представляет и практическая реализация потенциальных теоретических моделей.

Профильные специалисты отмечали, что старые методы и наборы инструментов уже не действуют, в связи с чем возникает повышенный интерес к «стратегии выхода», переосмыслению традиционных представлений о механизмах стратегического планирования, продолжению работы по интеграции приоритетов политики национальной безопасности в макростратегию России.[23]

Безусловно, нужно согласиться, что "необходимо активизировать работу представителей научного сообщества ЕАЭС по формированию идеологии евразийской интеграции".[24] Часто отечественные специалисты-международники предлагают использовать методы «мягкой силы» для достижения поставленных целей. С одной стороны — «часть мягкой силы — потенциал партнерства, гибкость, договороспособность, способность к трансформации. Все эти факторы определяют мягкую силу как ключевой инструмент интеграционных процессов».[25] Однако мягкая сила не может использоваться под копирку. Это лишь общее описание феномена, который требует аутентичного наполнения. Поскольку есть и другая сторона, которая указывает, что «культурно-цивилизационные различия определяют развитие обществ в большей степени, нежели другие факторы. Перенесение институтов, методов, практик и технологий в иную культурно-историческую систему не только неэффективно, но часто откровенно вредно».[26]

Поэтому необходима подготовка нескольких сценариев развития, которые имеют одинаковые приоритеты и целевые группы. При позитивном развитии ситуации возможно сочетание нескольких сценариев, что придаст общей стратегии синергетический эффект и переведет ее в разряд комплексности.

Первый сценарий. Комплексно-адаптивный подход. Представляется, что согласно данной опции в ЕАЭС будет выработана достаточно четкая идеология, применяемая как зонтичная модель для членов объединения. При этом она должна быть гибкой, а ее основные постулаты соответствовать национальным интересам всех государств, входящих в ЕАЭС. В какой-то мере это относится и к ШОС, но в данном случае возникает вопрос корректного понимания китайского восприятия мироустройства и долгосрочной стратегии Пекина.

Второй сценарий. Нормативный подход. В данном случае представляется поступательное изменение Конституций государств, входящих в ЕАЭС, также как и корректировка Устава данной организации. В ближайшей перспективе видится маловероятным.

Третий подход. Многосторонний режим взаимодействия. Согласно этому сценарию ЕАЭС, ОДКБ и ШОС, также как другие инициативы, например, «Пояс и Путь», будут развиваться самостоятельно, без видимой интеграции друг с другом, но в контексте общих

---

22 Искаков И.Ж. Политические институты России и Казахстана в процессе евразийской интеграции // Глобальные тенденции развития мира. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 14 июня 2012 г., ИНИОН РАН) М.: Научный эксперт, 2013. С. 306.

23 А.Г. Макушкин. Обеспечение стратегического контроля в области планирования безопасности социально-экономического развития. Экономика обороны и безопасности и аналитика. Под ред. А.Н. Каньшина. М.: Общественная Палата Российской Федерации, 2013. С. 82-87.

24 Ткачук С.П., Митяев Д.А. "Мягкая сила" науки и образования в развитии евразийской экономической интеграции // Экономические стратегии № 2 (152), 2018. С. 188.

25 Казаринова Д.Б. Политический краудсорсинг, социальные медиа и фабрики мысли как новые акторы глобальной политики: факторы мягкой силы // Глобальные тенденции развития мира. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 14 июня 2012 г., ИНИОН РАН) М.: Научный эксперт, 2013. С. 533.

26 Там же.

интересов всех структур. Это наиболее вероятный сценарий развития. При этом нужно учитывать, что по масштабам выполняемых задач и ответственности активность всех организаций будет отличаться. Россия и Китай, так или иначе, будут выполнять роль двух моторов, поскольку есть «региональные державы, принадлежащие к той же подсистеме международных отношений, а также великие державы, имеющие интересы практически во всех уголках мира».[27] Применение зонтичной идеологии евразийства в ее разных вариантах также целесообразно в данном сценарии.

Четвертый подход. Поскольку на постсоветском пространстве уже был опыт неудачных проектов, таких как ГУУАМ и СНГ, нельзя исключать замораживание активности ЕАЭС и даже выход из него члена-страны по какой-либо причине. Безусловно, это является наиболее негативным сценарием развития ситуации, но он также нуждается в анализе для того, чтобы предусмотреть своевременное блокирование подобных процессов.

Первые три сценария, таким образом, являются наиболее желательными, включая их синтез в различных форматах.

Опубликовано в научно-практическом междисциплинарном журнале «Информационные войны» № 3 (51), 2019. С. 47 — 51.

27 Д. А. Дегтерев. Прикладной количественный анализ и моделирование международных отношений. М.: РУДН, 2016. С. 415.